

...Всего лишь на волосок!

В тот миг, когда ворота двора Изогнутой Террасы разлетелись в щепки, Сяо Чжоцин узрел окровавленного Фэн Юаньси среди полчища призраков и заметил стальной шип, что разинуто метнулся к нему со спины.

Сердце Сяо Чжочина едва не выпрыгнуло из груди.

Он не помнил, как бросился вперед, помнил лишь, что вложил в этот рывок невиданную за всю жизнь силу, люто оттолкнув убийцу в маске и с черными одеждами, чтобы заслонить собой хрупкое тело Фэн Юаньси.

Всего полчасика назад он испытывал неловкость оттого, что случайно опустил руки вокруг спины Фэн Юаньси.

Но теперь он мертвой хваткой вцепился в окровавленное тело юноши, рискуя быть насквозь пронзенным острыми краями его крепкой, точеной фигуры.

Пока Ван Юань еще ходит по земле, Фэн Юаньси ни в коем случае нельзя умирать!

В следующую секунду чья-то рука обхватила его затылок и прижала к груди.

Мир перевернулся: Фэн Юаньси, прижав его к себе, резко развернулся боком. Тот самый стальной шип полоснул императора по тыльной стороне ладони и в кровавых брызгах пронесся в опасной близости от затылка Сяо Чжочина.

Кровь хлынула ручьем. Острие шипа пропахало руку Фэн Юаньси, и алые капли закапали на сиреневато-синие чиновничьи одежды Сяо Чжочина.

Гвардейцы стражи Золотой птицы влились во двор сплошным потоком; звякнули доспехи, и те укротители духов были мгновенно подавлены.

Вокруг то и дело кто-то падал, но Сяо Чжоцину было не до того.

Позади стих пронзительный свист лезвия, и он спешно поднял голову с груди Фэн Юаньси.

В «Попирающем князей» никогда не было подобного сюжета.

Там описывалось лишь то израненное, истощенное болезнью тело, что таилось за мрачным и свирепым взглядом Фэн Юаньси, но никто и никогда не упоминал, откуда взялись эти старые раны и неизлечимые недуги.

...Это была его оплошность.

- Ваше Величество не ранены? - голос Сяо Чжоцина дрожал, и даже дыхание сбивалось.

Фэн Юаньси видел, как в этих влажных, отражающих свет глазах целиком запечатлелся его собственный силуэт.

Он дрожал ради него.

Отражение в зрачках Сяо Чжоцина было испачкано кровью, окрашивая и саму чистую гладь его глаз в багровый цвет. То была кровь с его собственного лица; Фэн Юаньси смахнул ее со щеки, но рука, продолжавшая источать кровь, по-прежнему надежно защищала спину Сяо Чжоцина.

- Пустяки, - бросил он.

Сяо Чжоцин, казалось, не поверил и принялся осматривать его с головы до ног.

К счастью, Фэн Юаньси стоял твердо, дыхание было ровным, а выражение лица - спокойным; хотя его одежда и покрылась пылью с пятнами крови, по большей части они принадлежали не ему.

Слава небесам, он поспешил вовремя.

На миг в носу Сяо Чжоцина защипало.

Смертельный тупик Фэн Юаньси изначально был уготован ему именно сегодня – или даже задолго до сегодняшнего дня.

Он и сам не знал, сколько раз вот так балансировал на волоске от гибели, тогда как он сам в прошлой жизни пребывал в блаженном неведении, наивно полагая, что все четыре стороны света спокойны и в Подданной царит мир.

Тогда он стяжал безупречную репутацию и не ведал мирской грязи, искренне веря, что погибнет лишь три года спустя в водовороте предначертанных судьбой перемен, и не подозревая, что за окном уже давно бушевала черная буря.

Теперь же, глядя на окровавленного Фэн Юаньси, он вдруг подумал: неужели те, кого называют «пушечным мясом», действительно погибают лишь в тот самый миг, когда рушится весь этот огромный дворец?

Быть может, личинки насекомых, не ведающие смены весны и осени, еще в тот знойный летний день, когда заливались звонкой трелью, уже были сметены безжалостным осенним ветром, что должен был забрать их жизни.

– Говорю же, всё в порядке.

Фэн Юаньси опустил взгляд на Сяо Чжочина и повторил еще раз.

Он поднял руку и большим пальцем стер влажный блеск с уголка глаз Сяо Чжочина, смахивая с покрытой запекшейся кровью подушечки пальца крошечную слезинку.

Его неодолимо влекло к этим влажным глазам, но он все же не удержался и опустил взор на кристаллизационную капельку, прилипшую к его пальцу.

Подобно упавшей на его руку звезде.

Сяо Чжочин шмыгнул носом, подавляя подступавшую к глазам влагу, поднял взгляд на Фэн

Юаньси, и во взгляде его читалась непреклонность, какой не было прежде.

- Прошу Ваше Величество не беспокоиться, – чеканя каждое слово, произнес он.

- ...Что?

Фэн Юаньси вскинул брови.

Сяо Чжоцин смотрел на него с абсолютной уверенностью, искренне, с бушующей на дне глаз бурей, и отчетливо, неторопливо выговорил:

- Этот подданный непременно вернет Вашему Величеству честное имя.

Двадцать восемь укротителей духов вместе с так называемыми «божественными лекарями» были целиком заключены в Императорскую тюрьму.

Однако Ши Сюцзе бесследно исчез.

Князь Лянь, примчавшийся во двор Изогнутой Террасы, бросил огромные силы на допрос преступников и поимку Ши Сюцзе. Сейчас он с мрачным, словно грозовая туча, лицом заложил руки за спину и из стороны в сторону шагал по залу двора Изогнутой Террасы.

Сегодня он находился в павильоне Глубины Познания, когда слуга Сяо Чжоцина внезапно ворвался внутрь с громким криком о том, что совершено покушение на жизнь императора; это слышали все чиновники и сановники как внутри павильона, так и за его пределами.

Планы Ши Сюцзе провалились, к тому же скандал выплеснулся наружу – князю Ляню поневоле пришлось явиться сюда. Его преданные домашние чиновники были спешно созваны во дворец и теперь сплошной стеной стояли на коленях у подножия помоста.

В просторном зале двора Изогнутой Террасы царила тягостная тишина – слышался лишь раздраженный топот шагов князя Ляня.

Именно в этот момент и появился Сяо Чжочин.

Князь Лянь обернулся, его лицо было бесстрастным, источая грозное намерение устроить допрос с пристрастием.

- Чжочин, что там?

Сяо Чжочин не ответил. Пройдя к передним рядам сановников, он опустился на колени лицом к князю Ляню.

- Ваша Светлость, у этого подданного есть один вопрос к Вам.

- Говори.

Припав к полу, Сяо Чжочин произнес твердо и отчетливо:

- Желает ли Ваша Светлость совершить отцеубийство?

- ...!

Лицо князя Ляня мгновенно перекосило, в зале двора Изогнутой Террасы стало слышно, как падает игла.

Стоявшие рядом с Сяо Чжочином чиновники боялись даже вздохнуть. Ли Хэюн понизил голос и предупреждающе бросил:

- Господин Сяо!

Однако Сяо Чжочин не шелохнулся и повторил вновь:

- Желает ли Ваша Светлость убить императора?

Князь Лянь едва не лишился дар речи от гнева и лишь спустя пару мгновений сквозь зубы, мрачно прошипел:

- ...Разумеется, нет!

- Этот подданный так и знал, что Ваша Светлость не желает подобного!

Голос Сяо Чжоцина раскатился под сводами залы.

- Сердце Вашей Светлости радуется о государстве, и Вы лишь хотели исцелить недуг Его Величества. Но Ши Сюцзе затаил злобу и преступный умысел: он вознамерился чужими руками погубить императора!

- ...Что? - князь Лянь на мгновение подумал, что ослышался.

Ши Сюцзе ведь клялся ему всеми богами, что привезенные им лекари - истинные мастера вне стен столицы, способные серебряными иглами управлять человеческим разумом.

Князь Лянь даже отправлял людей проверить это - так оно и было.

Как же все это вдруг обернулось покушением на императора?

Он нахмурился, глядя на Сяо Чжоцина. Тот же молчал, лишь бросил взгляд себе за спину, словно намекая, что место сие не подходит для подобных разговоров.

Княю Ляню все же захотелось выслушать, что тот скажет в свое оправдание.

- Убирайтесь все, - холодно приказал он.

Придворные слуги и советники молча повиновались. Тяжелые створки дверей захлопнулись за спиной Сяо Чжоцина, отрезая послеполуденные лучи палящего солнца.

Сяо Чжоцин поднял голову и с железобетонной уверенностью произнес:

- Ваша Светлость, этот шаг Ши Сюцзе наверняка не был согласован с господином Ли.

Князь Лянь на секунду замер:

- ...С чего ты взял?

Сяо Чжоцин пояснил:

- Если бы господин Ли был в курсе, он непременно отговорил бы Вашу Светлость.

Князь Лянь нахмурился.

Сегодняшние события грянули как гром среди ясного неба, и Ли Хэюн действительно ничего не знал. Ши Сюэзе доводился ему дальним родственником, поэтому он, естественно, не мог полностью отмыться от подозрений и только что в зале не смел произнести ни слова.

- ...Продолжай.

Сяо Чжоцин заговорил вновь:

- Если бы те божественные лекари, как гласят слухи, действительно излечили недуг Его Величества, и император в одночасье пошел на поправку, это стало бы величайшей заслугой Вашей Светлости.

Но те лекари собирались применять иглоукалывание и трепанацию черепа – методы изначально смертельно опасные, где малейшая оплошность стоит человеку жизни. Только что они держали под стражей и угрожали десятками бойцов самому императору, а когда Его Величество начал сопротивляться, насильственно пустили в ход иглы и инструменты. Ваша Светлость, поразмыслите: разве это не завуалированное под лечением покушение? Даже не говоря о том, ухудшилось бы состояние Его Величества в случае их успеха, если бы император сегодня действительно скончался, кому пришлось бы отвечать головой?

Он поднял взгляд на князя Ляня.

- Ваша Светлость, случись такое, одной лишь жизни Ши Сюэзе не хватило бы, чтобы успокоить ропот при дворе и дать внятный ответ всей Поднебесной.

Зал двора Изогнутой Террасы еще не был убран: повсюду валялись обломки и лужи крови, словно живые свидетельства правоты слов Сяо Чжоцина.

Князя Ляня прошиб холодный пот.

Ши Сюцзе клялся и божился, а у него самого как раз зудело желание покончить с этим раз и навсегда – вот он и дал себя сбить с толку сладкими речами Ши Сюцзе.

– Этот князь... – голос его звучал глухо. – ...Не имел подобных намерений.

– Ваша Светлость в самом расцвете сил, в зените зрелости – время трудиться с раннего утра до ночи и возрождать державу. Пусть Его Величество и равнодушен к учению, к счастью, государь цел и невредим. Поддавшись чьим же наветам, Ваша Светлость вдруг так спешно возжелал вернуть власть монарху? – снова спросил Сяо Чжочин.

Кто тут желал возвращать власть!

Князь Лянь остолбенел, но в ту же секунду его словно озарило.

И верно! Фэн Юаньси и поныне хворает, не выказывая ни малейших признаков выздоровления. Пока он восседает на троне, а всю полноту власти удерживает он сам, действуя по праву и избегая ограничений со стороны императорского сана – разве это плохо?

Он изначально и не собирался убивать Фэн Юаньси.

Это всё паранойя Ли Хэюна, который при малейшем шорохе начинает подозревать то одного, то другого. Он слишком часто слушал его бредни и порой сам начинал думать, будто его сытая жизнь недостаточно надежна, отчего и совершил минутную глупость.

В одно мгновение в душе князя Ляня разыграло недовольство: все те глупости, что он натворил по собственной дурости, в его голове мгновенно превратились в чужие грехи, которые он без всяких угрызений совести переложил на Ли Хэюна.

Увидев это, Сяо Чжочин понял: выгорело.

Ему было нужно не просто добиться сурового наказания Ши Сюцзе от князя Ляня, но и посеять смуту между князем и его советниками.

Полномочия и умственные способности князя Ляня едва ли тянули хоть на что-то вразумительное – мозгами в его клике были как раз Ли Хэюн и прочие, просто росли они не из той головы.

Если удастся заставить князя отвернуться от людей вроде Ли Хэюна, нынешнему Фэн Юаньси станет куда безопаснее.

Князь Лянь погрузился в раздумья, а Сяо Чжочин больше не произносил ни звука.

– Ладно, этот князь уразумел суть, – спустя мгновение тон князя Ляня смягчился. – Поднимись.

Сяо Чжочин выпрямился.

– Злодейский умысел Ши Сюцзе не останется безнаказанным. Как только гвардейцы стражи Золотой птицы схватят его, этот князь лично допросит мерзавца, – пообещал он.

– Ох, Чжочин, раз уж отныне при императоре остался лишь ты один, тебе придется приложить все силы ради этого князя.

– Слушаюсь, Ваша Светлость, – Сяо Чжочин, разумеется, дал согласие.

Уже собираясь откланяться, он на секунду замер и обернулся вновь:

– Слышал я, будто у Вашей Светлости на реке Ешуй имеется несколько роскошных расписных лодок. Нынче, когда снега и льды тают, а весна вступает в свои права, эти судна украшены цветами пышнее прежнего, словно сама весна решила там укрыться.

– М? – князь Лянь опешил, не понимая, к чему Сяо Чжочин вдруг завел эту речь.

Каждый год в начале весны он устраивал пиры на реке Ешуй – об этом знал любой трехлетний ребенок в Ецзине, неужто молодой господин Чжочин не в курсе?

– К чему ты клонишь? – спросил он.

Сяо Чжочин улыбнулся:

– Да вот намерен, направляясь к улице Весенних Вод, услышал краем уха, будто на судне

Вашей Светлости живет одна девица из Сучжоу по имени Инъюэ, чья красота способна посрамить саму луну, да вот беда – лицезреть ее мне не довелось.

А-а~ Так благородный муж падок на «красоту».

Впрочем, оно и верно: утонченный литератор, кто же из них чужд подобным слабостям?

Князь Лянь понимающе усмехнулся.

Дела государственной важности отнимают слишком много сил, и поговорить после всего о прелестницах и развлечениях – давняя, привычная традиция.

Он расслабился, и мысли его сами собой унеслись к наполненным весенним теплом разукрашенным лодкам на глади реки Ешуй.

Каждый год на ночном пиру в начале весны вокруг него вилось немало женщин, и на этот раз там действительно нашлась некая Инъюэ, красотой превосходящая осеннюю луну, трогательная до слез – она так завлекала его частыми взглядами, что ту ночь он провел в ее объятиях.

Но женщин около него было слишком много, и спустя пару дней он благополучно выбросил ее из головы.

Стоило же Сяо Чжоцину упомянуть об этом, как в князе проснулись воспоминания; в груди зазудело от предвкушения, тем более что и сам Сяо Чжочин выказал столь явное вожделение.

– Да ничего особенного, – небрежно бросил он. – Впрочем, раз уж она ступала на корабль этого князя, то вполне естественно, что в цветочных домах решили поднять за нее цену.

– Вот как, – улыбнулся Сяо Чжочин. – Значит, не видать мне этого счастья.

Его слова еще не затихли, как створки главных ворот двора Изогнутой Террасы за его спиной со скрипом распахнулись.

Яркий дневной свет вновь залил залу, словно вытаскивая сокрытые в тени тайны прямо под палящее солнце.

Кто это?

Никто в здравом уме не смел приближаться к месту тайной беседы князя Ляня и его приближенных ближе чем на десяток чжанов.

Сяо Чжочин обернулся.

В ослепительных лучах света он увидел стоявшего у входа в залу Фэн Юаньси; его исхудалая фигура казалась необычайно длинной под косыми лучами солнца.

И Сяо Чжочин, и князь Лянь на мгновение замерли.

– Ваше Величество?

Едва узнав о тревожных вестях из двора Изогнутой Террасы, Сяо Чжочин, не смея медлить, пошел ва-банк и велел Фусюэ поднять шум в наполненном сановниками павильоне Вэньюань.

Только так гвардейцы стражи Золотой птицы были вынуждены выступить и выбить ворота двора Изогнутой Террасы.

Быть может, те люди и не собирались убивать Фэн Юаньси, но, зная нрав Ши Сюцзе, Сяо Чжочин не смел полагаться на слепой случай.

В худшем случае, если Ши Сюцзе действительно ничего не замышлял, он просто понесет наказание за ложную тревогу.

Пусть гвардейцы стражи Золотой птицы подоспели относительно вовремя, Фэн Юаньси все же успел пострадать. Уходя в спешке, Сяо Чжочин строго-настрого наказал слугам двора Изогнутой Террасы, чтобы в этот момент императору оказывали помощь в задних покоях.

Однако Фэн Юаньси направился напрямик сюда, миновал Сяо Чжоцина и ступил на ступенчатый помост.

Князь Лянь и Сяо Чжочин смотрели на него, но он, словно никого не замечая, бегло осмотрел пустые золотые подставки перед тронном и молча повернулся обратно.

На лице князя Ляня застыло чистейшее недоумение.

Сяо Чжочин же мгновенно всё понял:

- Ваше Величество, вы ищете Дунцзюня?

Фэн Юаньси, уже собравшийся покинуть залу двора Изогнутой Террасы, как раз проходил мимо Сяо Чжоцина и, услышав это, остановился:

- Да.

В суматохе, когда слуги выносили наружу тела убитых, лица покойников были накрыты обгавленными кровью белыми полотнищами.

Сяо Чжочин слышал, как шептались: когда банда Ши Сюцзе заявила сюда, они попытались запереть Дунцзюня в клетку. Птица отгрызла горло одному из укротителей духов и улетела из двора Изогнутой Террасы.

- Дунцзюня нет в зале, я сей же час пошлю людей разыскать, куда он улетел. Прошу Ваше Величество вернуться в задние покои, императорский лекарь уже прибыл, вы...

На полуслове Сяо Чжочин осекся.

Фэн Юаньси небрежно стряхнул пыль с рукава; на тыльной стороне его кисти зияла страшная рваная рана с вывернутыми краями, выглядевшая пугающе, а кровь продолжала капать вниз, но сам он словно не замечал этого.

Сяо Чжочин испугался.

- Ваше Величество, что с вашей рукой?!

Рана выглядела дико, словно ее нанесли тупым предметом.

Фэн Юаньси опустил глаза и посмотрел на нее так, будто увидел впервые в жизни и она принадлежала кому-то другому.

Сидевший на возвышении князь Лянь предпочел отвести глаза.

Сплошная кровь, одна мерзость; к тому же этот малец Фэн Юаньси даже боли не чувствует, мрачный, как манекен. Чем дольше он на него смотрел, тем сильнее тосковал, не понимая, зачем он вообще тратит столько сил на интриги и противовес сыну Неба.

Совсем сдурел, чего он только добивается, портя себе нервы?

- Чжочин, отведи-ка императора в задние покои, пусть его залечат, - поднялся князь Лянь, не желая, чтобы эта картина портила ему аппетит к приятному времяпрепровождению. - Дел в управлении невпроворот, этот князь не может долго задерживаться, так что оставляю все на тебя.

Сяо Чжочин дежурил у постели Фэн Юаньси, наблюдая, как лекарь перевязывает ему руку.

Пока белые бинты туго ложились на ладонь Фэн Юаньси, Сяо Чжочин неотрывно следил за процессом, а мысли его тем временем уносились все дальше.

Слова, брошенные им князю Ляню, не были спонтанным порывом.

В последнее время, расследуя дело об Инъюэ, хоть он и не нашел прямых вещественных доказательств, его внимание привлекли занятные мелочи.

Куртизанки, коим благоволил князь Лянь, неизменно пользовались всеобщим вниманием, а их цена взлетала до небес, однако впредь они больше не показывались на людях просто так – их отводили «благородным господам».

Под этими «благородными господами» неожиданно подразумевались те самые приближенные и домашние чиновники из свиты князя Ляня.

Неведомо из каких побуждений, эти люди днем выказывали князю глубочайшее почтение, а по ночам наперебой предлагали баснословные суммы за женщину, с которой уже почивал князь, словно пытаясь тем самым продемонстрировать свой статус, богатство и соревноваться в мощи и влиянии.

И потому, стоило князю Ляню сойтись с какой-нибудь девицей, как придворные тут же набрасывались на нее стаей, выстраивая целую очередь из тех, кто выбирает первым, а кто вторым – они возвели это в ранг модной забавы и предавались ей с упоением.

Сяо Чжочин подозревал, что Инъюэ приняла смерть именно от их рук.

Но при его нынешнем положении войти в клику князя Ляня он не мог, а потому и придумал этот хитроумный план.

Соблазнить князя Ляня.

Князь Лянь непременно попытается вновь отыскать Инъюэ, а раз ее нет в живых, истинные убийцы неизбежно выдадут себя своими метаниями. И тогда...

– Что за «счастье» ты там упоминал?

Внезапно голос Фэн Юаньси прервал ход его мыслей.

Сяо Чжочин вздрогнул.

– М?

Только теперь он заметил, что лекарь испарился неизвестно когда. Зала была совершенно пуста; Фэн Юаньси сидел на топчане в полном одиночестве, распахнув ворота одежд на половине груди и самостоятельно прикладывая мазь к обширному синяку на плече.

Ужасающие темно-фиолетовые пятна усеивали крепкие плечи и спину юноши. Он был исхудалым: под широкими ключицами проступали тонкие, но тугие мышцы, а их линии напоминали натянутую тетиву лука, отливая слабым матовым светом под пологом полутемного полога.

Сяо Чжоцин поспешно осведомился:

- Где же лекарь? Почему Ваше Величество не велел ему смазать раны?

Стоило ему подняться, как Фэн Юаньси бросил:

- Не нужны чужие, хлопотно.

Он органически не выносил прикосновений к своему телу, как и ощущения обнаженной кожи и уязвимых мест, когда с тобой обращаются, как с куском мяса на разделочной доске.

Нанося мазь, Фэн Юаньси исподлобья косился на Сяо Чжоцина.

Сяо Чжоцин только что витал в облаках; взгляд его был пустым, и хотя он вроде бы смотрел на него, на деле видел не его.

На кого же он уставился? На ту самую девицу из Сучжоу, которую безуспешно разыскивает?

Его вопросы князю Ляню он слышал лично, стоя снаружи залы.

Однако Фэн Юаньси и впрямь пока не понимал, какова истинная цель поисков Сяо Чжоцином этой самой Иньюэ.

Его внимание было приковано к сидевшему в полосе дневного света силуэту, из-за чего он не рассчитал силу и нечаянно задел содранную кожу на синяке.

- ...

Фэн Юаньси на секунду задержал дыхание, не издав ни звука.

- ...Давайте я.

Пусть даже у него девять жизней, так бездарно распоряжаться телом нельзя. Сяо Чжочин молча развернулся, присел на край топчана и забрал баночку с мазью из рук Фэн Юаньси.

Фэн Юаньси дернул рукой, но отстоять свою мазь ему не удалось.

Приняв баночку, Сяо Чжочин устроился прямо напротив него. Расстояние было совсем близким: слабый аромат сосновой смолы с ноткой легкой горечи и примесью целебных трав окутал Фэн Юаньси со всех сторон.

Стоило прохладным пальцам, щедро смазанным горьковатой мазью, коснуться его кожи, как его тело невольно вздрогнуло.

- Больно? - спросил он.

Легкое покалывание поползло от плеча Фэн Юаньси по всей правой половине лица; он даже не мог сменить выражение лица, не говоря уж о том, чтобы почувствовать настоящую боль.

- Нет, - ответил он.

Сяо Чжочин продолжил наносить мазь.

К счастью, Сяо Сун с детских лет рос непоседой, так что Сяо Чжочину не привыкать было ходить за ним и обрабатывать мелкие ссадины. Мазь ложилась на плечо Фэн Юаньси - кости и кожа юноши были твердыми, как камень, и Сяо Чжочин неторопливо растирал багровые следы.

Не считая того минутного вздрагивания, Фэн Юаньси больше никак не реагировал.

Закончив с одной раной, Сяо Чжочин склонил голову, окинул взглядом проделанную работу и поинтересовался:

– Ваше Величество, как самочувствие?

Он совершенно не замечал, как из-за наклона его тело приблизилось, и прохладное дыхание легким ветерком оевало кожу Фэн Юаньси.

– ...

Фэн Юаньси отпрянул назад и единым движением застегнул ворот.

– Хватит, – бросил он.

Сяо Чжочин замер, растерянно моргнув:

– Хватит? А как же остальные раны?..

– Что за «счастье» ты упомянул давеча?

– ?

Сяо Чжочин едва заметно округлил глаза.

Брошенная вскользь ради отвода глаз князя Ляня фраза вылетела у него из головы. Но Фэн Юаньси возвращался к ней уже не в первый раз – неужели...

Он уставился на Фэн Юаньси, но тот демонстративно отвернулся, с абсолютно бесстрастным лицом вступив в молчаливое противостояние с вырезанным на опорном столбе драконом.

Неужели у юноши начался период полового созревания и пробудились томления?

Сяо Чжочин почувствовал себя неудобно.

Дела в постели государя – не то, во что подобает вмешиваться чиновнику. Но судя по событиям

«Попирающего князей», тело Фэн Юаньси с каждым днем ветшало все сильнее, и при таком раскладе ему определенно не следовало предаваться излишествам...

- Ваше Величество еще столь юны, - начал он с назиданием. - Со временем...

- Ничего подобного, - отрезал Фэн Юаньси.

- ...Ваше Величество?

Фэн Юаньси тут же перевел стрелки:

- А ты разве не молод? Зачем тебе понадобилась та женщина?

Сяо Чжочин: - ...

Он абсолютно не представлял, что ответить.

Долг прямого министра и приличия благородного мужа схлестнулись в жестокой схватке, отчего уши Сяо Чжочина пылали алым. Он молчал, понятия не имея, как рассуждать с императором на столь пикантные темы.

Спустя мгновение он опустил глаза, признавая поражение:

- Ваше Величество, этот подданный далек от подобных помыслов.

Просьба к Вашему Величеству - избавить его от расспросов, ибо опыта в подобных делах он не имел.

Какое-то время в комнате царила тишина, и пока Фэн Юаньси молчал, за спиной Сяо Чжочина слышалось знакомое шуршание перьев.

Обернувшись, он увидел гигантского золотого орла: тот приземлился перед входом так, будто ничего и не произошло, затем важно сложил крылья, горделиво вышагнул вперед и принялся счищать засохшую кровь с острого клюва о тяжелые гардины рядом с Сяо Чжочином.

Обрадованный Сяо Чжочин поспешно сменил тему:

- Ваше Величество, Дунцзюнь вернулся!

Услышав свое имя, Дунцзюнь взмахнул крыльями, в пару прыжков оказался ближе, склонил набок голову и уставился на него своими сверкающими золотом глазами, после чего бесцеремонно уткнулся головой прямо в ладонь Сяо Чжоцина.

Огромный беркут вел себя точь-в-точь как большая собака, неловко и вместе с тем свирепо проявляя привязанность.

Сяо Чжоцин сперва испугался, но поскольку предыдущий вопрос оказался чересчур неудобным для ответа, отвечать он не стал, а вместо этого принялся гладить птицу по голове.

Орел, которого отроду никто не гладил по макушке, блаженно прищурился и с тихим писком поддвинулся еще ближе.

Изящные, словно из нефрита, пальцы бережно обхватили птичью голову, поглаживая ее и попутно стирая кровь с клюва.

Алые следы на безупречно белых пальцах выглядели донельзя вызывающе.

Фэн Юаньси отвел взгляд.

...Да в общем-то, он вовсе не настаивал на тех расспросах.

Просто его плечо все еще хранило тепло прикосновений Сяо Чжоцина – возможно, от действия мази раненое место зацадило, зазудело и заныло, отчего в груди заходилось в бешеном ритме раскаленное сердце.

Вот язык и потерял контроль, неся всякую чушь лишь бы отвлечься.

И толку-то?

Кровь с клюва Дунцзюня была стерта пальцами Сяо Чжоцина, распустившись алыми цветами сливы на его руке. Дунцзюнь радовался так же бурно, как и сердце Фэн Юаньси, заливаясь бесконечным щебетом.

Размах его крыльев был столь велик, что поднятый ими ветер заставил Сяо Чжоцина отшатнуться, но в то же время на губах его заиграла улыбка.

– Дунцзюнь всегда так разговаривает?

В отличие от пронзительных криков хищных птиц, рассекающих небеса, стоило Дунцзюню открыть клюв, как оттуда раздавалось лишь нежное тириньканье, похожее на писк неоперенного цыпленка.

У Сяо Чжоцина изогнулись брови, а Дунцзюнь принял это за похвалу и с удвоенным энтузиазмом захлопал крыльями, норовя взгромоздиться Сяо Чжоцину на плечо.

– Слезай.

Фэн Юаньси нахмурился.

У хищных птиц острые когти, способные вмиг распороть грудь жертвы, да к тому же птица весила немало – обычному человеку ее не удержать, и малейшая оплошность могла стоить Сяо Чжоцину куска мяса на плече.

Дунцзюнь виновато опустил на землю и, заложив крылья за спину, потрусил продальше.

Заметив это, Сяо Чжоцин решил, что тот рассердился; улыбка на его лице увяла, и он вопросительно поднял на него глаза.

...Ничего подобного.

Просто эта птица чертовски опасна, а собственное сердце колотится о барабанные перепонки так громко, да еще и этот взгляд – стоит поднять глаза, как видишь улыбающегося Сяо Чжоцина...

В ушах от учащенного сердцебиения стоял звон, и Фэн Юаньси даже чувствовал, как пульсируют вены на шее.

Надо бы хоть что-то сказать.

- ...Моя рана еще не до конца обработана.

Он запнулся и вновь принялся нести какую-то ахинею.

Сяо Чжочин слегка опешил, переведя взгляд на его прикрытое одеждой плечо.

...Разве он не заявлял пару минут назад, что всё готово?

Ши Сюцзе действительно исчез.

Он испарился среди бела дня: все до единого гвардейцы стражи Золотой птицы были подняты по тревоге и перерыли дворец вверх дном, но не смогли отыскать и следа.

Командир гвардейцев стражи Золотой птицы приходился Ши Сюцзе старым другом, и теперь, рискуя в один миг лишиться чиновничьей шапки из-за этого скандала, он срывал голос, непрерывно проклиная беглеца:

- Жив ты или мертв, но ты же не мог раствориться в воздухе! Хоть бы показался, не подставляй людей!

И он был далеко не единственным, кого задело по касательной.

В тот день все отчетливо расслышали крики Фусюэ перед павильоном Вэньюань; пусть тогда еще не было известно о судьбе императора, но уже к полудню каждый в столице знал, что Ши Сюцзе покушался на цареубийство.

И вот теперь весь двор гудит, а Ши Сюцзе и след простыл.

И кто же тогда стоял за его спиной? Кто все это подстроил? Главный злодей пропал, допрашивать некого, а значит - любой, кто имел с ним хоть малейшую связь, автоматически

становится подозреваемым в заговоре против монарха.

Кому понадобилось убирать императора?

Пусть государь и не правит самостоятельно, династия переживает не лучшие времена, и вопрос жизни и смерти императора по-прежнему остается острейшей больной мозолью.

Несколько дней кряду атмосфера при дворе оставалась натянутой до предела; даже князь Лянь сделался невероятно раздражительным и бросил тысячный отряд личной стражи с жестким приказом – Парчовой гвардии, гвардейцам стражи Золотой птицы и городской страже прочесать каждый угол в поисках Ши Сюцзе, велев доставить его живым или мертвым.

Но пока все вокруг суетились, Сяо Чжочин парадоксально успокоился.

Ему лишь было любопытно: кто же укрывает Ши Сюцзе так надежно, что тот сумел испариться из самого императорского дворца?

Впрочем, вся столичная знать во главе с князем Лянем жаждала предать беглеца мучительной смерти, так что Сяо Чжочин несколько не сомневался, что живым Ши Сюцзе не уйти.

Зато в храме Дали воцарился полный хаос, что как раз предоставило ему идеальную возможность отыскать ключевую зацепку по делу об Инъюэ.

В ту ночь, когда князь покинул дворец, он действительно направился в павильон Цветочного Изобилия. Но едва ступив на улицу Весенних Вод, он нос к носу столкнулся с несколькими сановниками.

Впереди всех шел не кто иной, как министр финансов Сюй Хуамао. Они мило побеседовали и в итоге дружно переместились в башню Обитель Весны, где предались хмельному безумию до самого утра – об этом и говорить не стоило.

Однако Сяо Чжочин не верил в столь невероятные совпадения.

Он подозревал: а что если истинным убийцей был кто-то из тех самых чиновников, что преградили путь князю Ляню? Сюй Хуамао занимал высокий пост, обладал большим весом, являлся важной опорой князя Ляня и состоял в теснейшей дружбе с главой храма Дали Лян Куо. Помимо него, остальные чиновники были лишь пешками: даже имея они мотив для убийства, у них бы не хватило влияния переложить вину на коллегу по министерству.

Единственными, кто обладал подобными возможностями, были люди из храма Дали. Но это оставалось лишь догадками Сяо Чжочина, не подкрепленными ни уликами, ни доказательствами.

К счастью, у Ван Юаня имелся свой «золотой чит-код», которым он вполне мог воспользоваться.

Пока храм Дали стоял на ушах из-за пропажи Ши Сюцзе, Сяо Чжочин выждал момент и затребовал все до единого архивные дела Цуй Мао.

Все сбылось.

Методы политической борьбы в «Попирающем князей» отличались предельной грубостью и прямолинейностью, и любимыми приемами Лян Куо неизменно оставались всего три.

Ложные обвинения, подстава и запугивание.

В тот самый день, когда Лян Куо лично ворвался с обыском в особняк Цуя, в доме была разбита преподнесенная в дар самим императором фарфоровая чаша.

Цуй Мао в тот момент находился на службе в ведомстве, дома же оставались лишь его престарелая мать, прикованная к постели жена и трое малолетних детей. Согласно «Законам Великой Шан», умышленное уничтожение императорских даров каралось смертной казнью.

Лян Куо, разумеется, не собирался брать вину на себя, да и все чиновники храма Дали твердили в один голос: истребить всю семью Цуй по закону – дело одной фразы.

И потому, не дожидаясь, пока они копнут глубже, Цуй Мао сам взял всю вину на себя.

Для князя Ляня лишение кого-то жизни – сущий пустяк.

Но куда важнее было то, что подчиненные чиновники вступили в сговор, не просто пытаясь обмануть его, но еще и совместно возжелали забрать женщину, к которой он сам проявлял интерес. Для мнительного и вспыльчивого князя Ляня это являлось страшнейшим оскорблением.

Воспользовавшись царившей суматохой, Сяо Чжочин бесшумно припрятал этот том досье при себе.

Теперь ему не хватало лишь неопровержимых улик против убийцы, чтобы предстать перед лицом князя Ляня.

Но он прекрасно понимал: чем сильнее напряжение, тем холоднее должен быть рассудок. И потому, делая вид, что ничего не происходит, он по-прежнему ежедневно являлся во дворец на лекции и отмечался вовремя.

Вот только в этот день, переступив порог двора Изогнутой Террасы, он не обнаружил Фэн Юаньси.

И это выглядело крайне странным. Пусть даже Фэн Юаньси вечно пропадал бог весть где, в последнее время, стоило Сяо Чжочину перешагнуть порог двора Изогнутой Террасы, император неизменно ждал его в зале.

– Куда отправился Его Величество? – поинтересовался Сяо Чжочин.

Придворные в один голос твердили, что не ведают, а евнух Ро также уверял, что ничего не видел.

– Даже к утренней трапезе Его Величество не вышел, – растерянно бормотал евнух Ро.

Сяо Чжочин встревожился еще сильнее.

- Разве прежде за ним водилось подобное?

Евнух Ро пояснил:

- Изредка случается. Его Величество не выносит никого рядом с собой, а когда засиживается где-нибудь надолго, то и вовсе забывает поесть.

Тут одна из служанок робко вставила:

- Ранее, проходя мимо, эта рабыня заметила, что двери в спальные покои Его Величества все еще заперты.

Заперты даже в такой час?

- Почему же вы не заглянули внутрь? - спросил Сяо Чжоцин.

Служанка испуганно потупилась:

- Повседневный указ Его Величества запрещает нам приближаться к спальным покоем, эта рабыня... не смеет ослушаться государя.

Дальше говорить она не смела.

Зала двора Изогнутой Террасы была огромной, каждый из слуг выполнял строго свои обязанности. У каждого имелся ворох дел, а их странный император славился нравом диким и угрюмым, так что они привыкли держаться от него подальше - кому охота проявлять излишнее усердие?

Но даже без ее слов Сяо Чжоцин все прекрасно понял.

Стоило завести речь о Фэн Юаньси, как обитатели двора Изогнутой Террасы тут же словно воды в рот набирали: для них все вокруг были лишь неодушевленными предметами, декорациями или молчаливыми псами да птицами.

Хотя даже та свирепая цепная собака у входа в залу непременно затыкала бы при виде Сяо

Чжоцина.

– ...Пойдемте, – Сяо Чжоцин поднялся, не желая срывать злость на челяди. – Направимся в спальню покои государя и проверим, что с ним приключилось.

Фэн Юаньси никогда прежде не вел себя подобным образом. Пережив недавнее нападение Ши Сюэцзе, Сяо Чжоцин поневоле предавался дурным предчувствиям, ощущая смутное беспокойство.

Однако вокруг стояла мертвая тишина. Сяо Чжоцин дошел до самых дверей залы, но никто так и не решился последовать за ним.

Сяо Чжоцин обернулся.

– Я сказал, что мы идем в покои Его Величества. Или кто-то из вас оглох?

Евнух Ро, прихрамывая на больную ногу, кое-как ковылял следом, в то время как остальные слуги вновь опустили головы, притворяясь клумбой цветов или редкой травинкой.

Сяо Чжоцин развернулся к ним лицом:

– Если мы самовольно войдем в спальню, император казнит вас – верно? – спросил он.

Все молчали.

Пусть никто не желал вылезать вперед, это молчание сошло за всеобщее согласие.

Сяо Чжоцин продолжил холодно:

– Но если сегодня с Его Величеством во дворе Изогнутой Террасы случится несчастье, и весть об этом разлетится по столице, неужели князь Лянь пощадит ваши головы?

Толпа слуг вздрогнула.

Сяо Чжоцин не собирался устраивать показательную порку, но раз эти люди первыми

проявили халатность, церемониться с ними он тоже не собирался.

– Князь Лянь – родной дядя Его Величества, и из чистейшего милосердия оставил вас здесь прислуживать. Каковы бы ни были прежние приказы государя, случись непоправимое, неужто князь станет принимать во внимание ваши оправдания и простит эту преступную оплошность?

Его пронзительный взгляд скользнул по лицам присутствующих.

– В тот день из ворот Уйсяна выволокут мертвыми вовсе не меня и не князя.

После минутного молчания придворные попадали на колени.

– Эта рабыня и помыслов не имела, умоляю господина явить милосердие!

Сяо Чжоцин не собирался разбираться в тонкостях их службы.

Он лишь четко усвоил: искусное управление людьми строится вовсе не на слепой мягкости. Кнут и пряник применяются отнюдь не ради демонстрации власти, а чтобы заставить людей работать на тебя.

– Шагаем, – бросил он. – В покои Его Величества.

И спустя полкеленка тяжелые створки внутренних покоев двора Изогнутой Террасы бесшумно отворились наружу.

Миновав вереницы комнат, сквозь многослойные, опущенные низко гардины пробивался лишь слабый, тусклый свет. Огромное, отделанное золотом и драгоценными узорами драконье ложе хранило зловещую тишину. Сквозь пасть страшного деревянного зверя, застывшую на изголовье, Сяо Чжоцин наконец увидел Фэн Юаньси.

Тот лежал неподвижно, безмолвный, с лихорадочно пылающими щеками и раскаленным от жара телом.

Государь слег с тяжелой болезнью, но в самом дворе Изогнутой Террасы никто даже не заметил этого.

Перепуганные до полусмерти слуги немедленно бросились за императорским лекарем.

Позабыв о придворном этикете, Сяо Чжочин вытащил из-под одеяла руку Фэн Юаньси и прижал пальцы к его запястью.

Пульс был поверхностным и частым – признак вторжения холодных злых духов, когда недуг бьет извне, вызывая острую простуду и внезапный сильный жар.

– На дворе май, отчего же Ваше Величество простудились? – обернувшись, бросил Сяо Чжочин.

Разумеется, никто из дворцовой челяди не смог дать вразумительного ответа.

Спальня Фэн Юаньси поражала размерами, но зияла пугающей пустотой – в ней практически отсутствовали какие-либо лишние украшения или утварь. Все окна были наглухо закрыты, но легкие шелковые занавеси на них трепетали под порывами сквозняка, и один из краев тонкой ткани то и дело задирался, хлопая по оконной раме.

За окном уныло шелестела листва, монотонно стрекотали цикады, а журчание извивающегося ручейка наполняло воздух зябким холодком.

– Вы выполняли свои обязанности вот так? – Сяо Чжочин поднял холодный взгляд.

– Кто отвечал за смену одежды Его Величества по сезонам? Кто следил за убранством покоев? Кто запирает окна и двери? И наконец, кто видел Его Величество последним прошлой ночью?

Несколько задрожавших слуг вышли вперед и рухнули на колени, в один голос твердя, что ничего не знают, и моля о пощаде.

Сяо Чжочин потер переносицу.

- Неужели за весь вчерашний день никто из вас так и не повидал государя?

Кто-то заикаясь произнес:

- Господин... каждый вечер успокаивающий отвар государю носит Вэй Цюань, но его нынче не видать, неведомо куда запропастился...

Брови Сяо Чжочина слегка нахмурились.

Он не любил придирается по мелочам, но это вовсе не значило, что у него отсутствовал нрав.

Однако, подняв голову и собираясь отдать приказ, он заметил, как Фэн Юаньси на ложе едва заметно шевельнулся.

Сяо Чжочин тут же бросился назад:

- Ваше Величество?

Фэн Юаньси пошевелился, словно собираясь очнуться. Сяо Чжочин протянул руку, намереваясь коснуться его лба, но Фэн Юаньси лишь глухо закашлялся и вновь замер.

В этот самый момент снаружи слышались шаги.

- Вэй Цюань, а ну подойди и явись пред очи господина! - едва заметив вошедшего, рявкнул евнух Ро. - Как ты вчера подносил государю отвар, как ты за ним присматривал?!

Сяо Чжочин поднял глаза и увидел спешно приближающегося молодого евнуха. Тот был высок ростом, с утонченными чертами лица, с опущенной головой быстро пересек порог и затерялся среди остальных слуг.

Он стоял согнувшись, пряча лицо, так что разглядеть его черты было невозможно.

- Когда ты принес отвар вчера вечером, в каком состоянии был государь? Кашлял ли он, был ли жар? - допытывался Сяо Чжочин.

Вэй Цюань лишь молча мотал головой.

– А после того, как он выпил отвар, чем занимался Его Величество? – продолжал допрос Сяо Чжочин.

Он расспрашивал столь подробно потому, что состояние Фэн Юаньси не должно было так резко ухудшиться. Всего месяц назад он без колебаний нырял в ледяной омут за диким гусем, перенеся подобные нагрузки без малейших последствий, с чего бы ему вдруг свалиться от обычного сквозняка?

Вэй Цюань снова покачал головой.

– Неужели не было никаких странностей? – настаивал Сяо Чжочин.

Фэн Юаньси вновь принялся кашлять.

Сяо Чжочин обернулся. Фэн Юаньси по-прежнему лежал с закрытыми глазами; грудь его тяжело вздымалась от кашля, а нахмуренные брови образовывали складку.

Если все обстояло так, как они говорили, у внезапной болезни Фэн Юаньси мог оставаться лишь один-единственный корень зла.

– Ваше Величество, вы слышите этого подданного? – мягко позвал он. – Позвольте взглянуть на рану на вашей руке, хорошо?

Рана на руке Фэн Юаньси была далеко не шуточной: если внутри начался застой и жар, это неизбежно ослабляло организм, делая его уязвимым для любой хвори извне.

Фэн Юаньси, укрытый одеялом, даже не шевельнулся.

И он не заметил, как стоявший за спиной Сяо Чжочина тот самый вновь прибывший «Вэй

Цюань» внезапно поднял глаза и пристально посмотрел на него.

Его непроницаемо-черные зрачки казались бездонными.

В уголке, скрытом от чужих глаз, его рука, опущенная вдоль тела, чуть отвелась назад, надежно прикрывая рукавом белую ткань повязки, что туго обвивала его ладонь.

<http://bllate.org/book/18810/1865692>